
ТЕОРИЯ

И. А. ГОБОЗОВ

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ФИЛОСОФИЕЙ?

Общественные науки, к числу которых относится и философия, переживают системный кризис. Этот кризис проявляется не в том, что мало литературы выходит, то есть не в количестве публикуемой литературы, а в ее качестве. Нет идей, нет мыслей, нет прогресса научного знания, нет даже накопления новых знаний.

Философия прошла сложный путь своего становления и развития. Вначале она выступала в роли науки наук. Известно, что термин «философия» был введен Пифагором¹. Но философию сделал философией в подлинном смысле этого слова Платон.

Платон считал, что философия начинается с изумления. А философом он называл каждого человека, стремящегося узнать что-то новое. Подлинными же философами, по убеждению Платона, являются те, кто любит искать истину. Философ познает не какие-либо мнения, а бытие и истину.

Изумление свидетельствует о том, что общество достигло такого уровня в своем развитии, когда стала абсолютно необходимой выработка общих понятий (категорий), с помощью которых можно было бы вести рассуждения о собственном бытии человека и о бытии окружающего объективного мира. Платоновская философия – это размышления о человеке, о государстве, о воспитании, об искусстве и т. д. и т. п.

Философы, по глубокому убеждению Платона, должны не только любить истину, но и не стремиться к чрезмерному богатству, так как богатство лишает людей возможности быть порядочными и добродетельными. «...Человеческий род, – делал вывод Платон, – не избавится от зла до тех пор, пока истинные и пра-

---

¹ По словам Диогена Лаэртского, «Сосикрат в “Преемствах” говорит, что на вопрос Леонта, флиунтского тирана, кто он такой, Пифагор ответил: “Философ”, что значит “любомудр”» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986. – С. 309).

вильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами»².

Платон был убежден в том, что государством должны управлять философы, то есть мудрые люди, осознающие свою ответственность за дела государственные и способные постичь сущность вещей. Они, по мысли античного философа, стремятся к познанию бытия, причем познают его как некую целостность. Философ должен категорически отвергать любую ложь и проявлять глубокую любовь к истине. Ему должны быть присущи четыре основные добродетели идеального государства: любовь к истине, справедливость, мужество и рассудительность. Мудрый человек не может любить одновременно истину и ложь.

Афинский философ с горечью отмечал, что когда «от философии отпадают те люди, которым всего больше надлежит ею заниматься, она остается одинокой и незавершенной... К философии же, раз она осиротела и лишилась тех, кто ей сродни, приступают уже другие лица, вовсе ее недостойные. Они позорят ее и навлекают на нее упрек в том, за что как раз порицают ее... ее хулителю, говоря, будто с ней имеют дело люди либо ничего не стоящие, либо же в большинстве своем заслуживающие всего самого худшего»³. Это касается многих философов, в том числе современных постмодернистов, о которых будет сказано ниже.

Мысли Платона о начале философии были поддержаны его учеником Аристотелем. Он утверждал, что «удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что □ непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной»⁴. Люди философствовали не ради какой-нибудь пользы, а ради понимания, ради того, чтобы избавиться от незнания.

Поскольку философия, писал Аристотель, есть любовь к мудрости, следует выяснить значение самого понятия мудрости. Во-первых, продолжает Стагирит, мудрый, насколько возможно, знает все. Во-вторых, мудрый познает то, что трудно и нелегко постижи-

---

² Платон. Соч.: в 3 т. – Т. 3. – Ч. 2. – М., 1972. – С. 525.

³ Платон. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 3. – М., 1994. – С. 275.

⁴ Аристотель. Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М., 1976. – С. 69.

мо для человека. В-третьих, мудрым является тот, кто в любой науке более точен и более способен к раскрытию причин. В-четвертых, та наука является более мудрой, которая служит познанию, а не та, из которой извлекают пользу. В-пятых, та наука мудра, которая главенствует над остальными.

Как и Платон, Аристотель стремление к истине считал высшим **философским** принципом. Он философию называл знанием об истине, исследование которой, по его мнению, и трудно, и в то же время легко. «Это видно из того, что никто не в состоянии достичь ее надлежащим образом, но и не терпит полную неудачу, а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, правда, ничего или мало добавляет к истине, но, когда все это складывается, получается заметная величина»⁵. Сложность исследования истины также заключается в том, что можно овладеть целым, но оказаться не в состоянии постичь часть.

Главную трудность установления истины Аристотель связывает с незнанием причины вещей. «А из вещей тем или иным свойством в наибольшей степени обладает та, благодаря которой такое же свойство присуще и другим; например, огонь наиболее тепел, потому что он и для других вещей причина тепла. Так что и наиболее истинно то, что □ для последующего есть причина его истинности»⁶.

Античные философы выделили субъектно-объектные отношения, сыгравшие в научном познании решающую роль. Без их признания невозможны никакие научные исследования. Для того, чтобы, скажем, открыть тот или иной закон природы, ученому как субъекту познания необходимо противопоставить себя природе как объекту познания. Это важнейший гносеологический принцип науки.

Античная философия разработала общие понятия или категории. Платон писал: «Первый – это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не проти-

---

⁵ Аристотель. Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М., 1976. – С. 94.

⁶ Там же. – С. 95.

воречило само себе... Второй вид – это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них...»⁷.

Философия выступала в роли универсальной науки. Сами античные философы были универсалами. Философия представляла собой всеобщий способ разрешения сложнейших проблем. Но вместе с тем она включала в себя математику, физику и другие науки. Кстати сказать, представление о философии как науке наук сохранилось вплоть до Нового времени, когда уже приобрели самостоятельный путь многие науки. Вот, например, что писал Декарт: «...Вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие от этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике»⁸.

Но постепенно науки отпочковываются от философии и получают, так сказать, автономию. Тем не менее еще в XIX в. многие философы в своих философских системах не обходили вопросы чисто научного характера. Достаточно вспомнить философскую систему Гегеля, охватывающую не только гуманитарные, но и естественные дисциплины. Однако необходимо заметить, что зрелые науки уже не нуждались в «философской опеке». Иначе говоря, натурфилософии пришел конец. И, как писал Энгельс, «попытка воскресить ее не только была бы излишней, а была бы шагом назад»⁹.

Объект философии продолжает сужаться. Уже не только природа, но и общество оказывается в центре внимания вновь возникших социальных дисциплин. Политическая экономия, сформировавшаяся как наука в XVIII в., стала анализировать экономическую сферу общественной жизни. В первой половине XIX в. французский философ О. Конт ввел термин «социология», который прочно вошел в научный оборот. Социология изучает общественные процессы и феномены. Иначе говоря, социология – это наука об обществе.

Маркс придал философии подлинно научный характер. Философия, по его твердому убеждению, должна руководствоваться не спекулятивными, а научными принципами. Таковыми являются: а) признание объективности мира и отражения его в человеческой

---

⁷ Платон. Соч.: в 3 т. – Т. 2. – М., 1970. – С. 205.

⁸ Декарт. Соч. – Т. 1. – М. – 1989. – С. 309.

⁹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 21. – С. 305.

голове; б) признание субъектно-объектных отношений, без которых нет никакой науки; в) монизм; г) скептицизм. Ничего не брать на веру. Все подвергать сомнению. Но речь, конечно, идет не о сомнении обывателя, ничего не желающего читать и поэтому отвергающего все, а сомнение исследователя, не просто отбрасывающего все, что было до него создано, а позитивно использующего все предыдущие научные знания; д) доказательность. С точки зрения Маркса, абстрактные философские рассуждения должны быть подтверждены и обоснованы на базе эмпирической действительности. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс заявили: «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, эти предпосылки можно доказать чисто эмпирическим путем»¹⁰. Маркс резко выступает против философских спекуляций, оторванных от реальной жизни. «Там, где прекращается спекулятивное мышление, – перед лицом действительной жизни, – там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание. Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности»¹¹.

Маркс придал философии также практический характер. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹². Но изменить мир можно не на базе спекулятивных рассуждений, а на базе науки. Маркс, как великий, верил в науку, в научные методы исследования природного и социального мира. Наука для Маркса философична, то есть наука должна использовать философию как метод исследования объек-

---

¹⁰ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3. – С. 18.

¹¹ Там же. – С. 26.

¹² Там же. – С. 4.

тивной действительности. Сам Маркс в «Капитале» блестяще применил диалектический метод как важнейший философский метод анализа природы и общества.

Во второй половине XIX в. происходит дальнейшее углубление отрыва философии от науки и ее превращение в иррационалистические и субъективные интерпретации мира. Появляется философия жизни, интерпретирующая жизнь как совокупность психических процессов. Игнорируется основной вопрос философии – вопрос об отношении материи и сознания. А без признания этого вопроса исчезают субъектно-объектные отношения, без которых, как уже отмечалось, нет науки.

В современную эпоху ситуация еще больше ухудшилась. Со всех сторон идут атаки на классический рационализм, на возможности Разума познать объективную действительность, на науку. И здесь особая «заслуга» принадлежит **постмодернизму**. «Первыми свидетельство о смерти притязаниям науки на разум и рационализм с радостным энтузиазмом выдали философы постмодернизма»¹³.

Главные представители постмодернизма Ж. Бодрийар, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, М. Серр, Р. Рорти и многие другие все превратили в «пост-», то есть в «после»: постфилософия, постнаука, постискусство, постлитература, постистория и т. д. и т. п.

Посмотрим, как трактуют философию Делёз и Гваттари. Они решили выяснить суть философии в работе «*Qu'est – ce que la philosophie?*» («Что такое философия?»). Во «Введении» авторы пишут, что раньше тоже ставили вопрос о том, что такое философия, но ставили его абстрактно и туманно. Но теперь пришло время ставить этот вопрос конкретно и ясно (!). «...Мы уже нашли неизменный ответ на этот вопрос: философия есть искусство формулировать, изобретать и фабриковать понятия. Но недостаточно, чтобы ответ соответствовал вопросу. Нужно также, чтобы он определял час, благоприятный момент, пейзаж и персонажей, а также условия и неизвестные моменты вопроса. Нужно уметь ставить вопрос “между друзьями, как тайна или доверие, или перед недругом, как вызов, найти этот час, когда не доверяют даже другу и ведут себя

---

¹³ Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М., 2001. – С. 21.

как волк и собака»¹⁴. (С такого рода бессмыслицей мы будем встречаться в работах постмодернистов постоянно, но придется с этим хотя бы временно смириться.)

Но понятия, продолжают наши постмодернисты, нуждаются, как они выражаются, в концептуальных персонажах, которые помогают их выяснению. Таким персонажем, оказывается, выступает «Друг», свидетельствующий о греческих истоках философии. В других странах имели «Мудрого» при определении философии. «Греки похоронили Мудрого и заменили его философами, друзьями мудрости, то есть теми, кто ищет мудрость, но совершенно не обладают ею»¹⁵. Старый мудрец, продолжают Делёз и Гваттари, явившийся с Востока, мыслит Образами, в то время как греческий философ изобретает и мыслит Понятиями.

По мнению Делёза и Гваттари, очень трудно определить содержание термина «Друг», между тем это необходимо, так как данный термин греческие философы широко используют.

Как видно, Делёз и Гваттари при анализе античной философии обращают внимание не на проблемы истины в работах греческих философов, а на второстепенные вопросы. Ведь дело не в том, что применяются термины «друг» или «мудрость», а в том, что с самого начала античные философы, рефлексировав над бытием окружающей природной и социальной действительности, занимались поисками истины.

Авторы книги «*Qu'est – ce que la philosophie?*» в первую очередь решили рассмотреть сам термин «понятие». Всякое понятие, пишут они, состоит из определенных элементов и определяется через них. Нет понятия, состоящего из одного элемента. Оно может состоять из множества элементов. Поэтому понятие можно делить на куски, добавлять к нему новый элемент или редуцировать к нескольким элементам. Это дело вкуса. При этом для Делёза и Гваттари не стоит вопрос о том, что всякое понятие так или иначе должно отражать хотя бы приблизительно объективный мир. Ведь оно несет определенную смысловую нагрузку лишь благодаря тому, что отражает существенные стороны и черты мира природы и мира общества.

Общий вывод Делёза и Гваттари: философия не есть ни созер-

---

¹⁴ Deleuze, G., Guattari, F. *Qu'est – ce que la philosophie?* – Paris, 1991. – P. 8.

¹⁵ Deleuze, G., Guattari, F. *Qu'est – ce que la philosophie?* – Paris, 1991. – P. 8.

вание, ни рефлексия, ни коммуникация. Она формулирует понятия. Задача философии – выяснить, какова природа понятия.

Этот вывод можно было бы приветствовать, если бы Делёз и Гваттари действительно анализировали понятия, отражающие общие и существенные черты предметов объективного мира. Нет, они этого не хотят. Они занимаются, как истинные постмодернисты, эквилибристикой и казуистикой.

Постмодернисты совершили «радикальный разрыв с Просвещением, с верой в бесконечный прогресс, который пропагандировал Кондорсе»¹⁶. Они просветителей обвиняют во всех современных бедствиях: в оптимистическом взгляде на развитие исторического процесса; в вере в бесконечный прогресс общества, в свободу и равенство, в принцип историзма, в науку, в необходимость изменения существующих социально-экономических и политических порядков, в чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и т. д. и т. п. Их обвиняют, потому что они были *рационалистами*.

Один из виднейших американских постмодернистов Р. Рорти прямо заявляет в своей книге «Философия и Зеркало Природы»: «Эта книга представляет собой обзор развития последних философских исследований, особенно в области аналитической философии, с точки зрения антикартезианской и антикантианской революции... Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к “уму” как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь “философский” взгляд, к “познанию” как к чему-то такому, о чем должна быть “теория” и что имеет “основания”, а также к “философии” как она воспринималась со времен Канта»¹⁷. Рорти считает, что рационалистическая философия заменила интеллектуалам религию, то есть превратилась в своего рода веру в философские высказывания и умозаключения.

Постмодернисты отвергают понятия классической философии – *разум, абсолют, истина, прогресс, противоречия, дискуссия* и т. д. Вместо этих веками опробованных понятий и категорий они выдвигают понятия «деконструкция», «тело», «сюжет», «дискурс» и т. д., не несущие никакой смысловой и теоретической нагрузки, но зато звучащие оригинально. Они отвергают иерархию мораль-

---

¹⁶ Dosse, F. Histoire du structuralisme. – 1. Le champ du signe, 1945–1966. – Paris, 1992. – P. 412.

¹⁷ Рорти, Р. Философия и Зеркало Природы. – Новосибирск, 1997. – С. 5.

ных, культурных и иных ценностей. С их точки зрения, все мифы, все культуры, все ценности: *хорошо, плохо, гуманно, антигуманно* и др. – релятивны. В свое время Гегель критиковал тех философов, которые подобно постмодернистам не признавали иерархию ценностей общества, отвергали всякие поиски истины. В адрес таких философов Гегель писал: «Ибо тем, что так называемое философствование объявило познание истины глупой затеей, оно *нивелировало* все мысли и все предметы – подобно тому как *римские* императоры в своем деспотизме *уравняли* патрициев и рабов, добродетель и порок, честь и бесчестье, знание и невежество, – так что понятия истинного, законы нравственности оказываются не чем иным, как мнением и субъективными убеждениями, и самые преступные принципы обладают в качестве *убеждений* равным с этими законами достоинством, а всякий объект, каким бы пустым и частным он ни был, всякий, пусть даже самый незначительный, вопрос обладают таким же достоинством, как то, что составляет интерес всех мыслящих людей и служит узами нравственного мира»¹⁸.

Один из крупнейших представителей постмодернизма Ж. Ф. Лиотар пишет, что слово «постмодерн» «обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века»¹⁹. Наука, продолжает он, стремится к познанию истины, и поэтому она должна разработать свои методы исследования или, как выражается Лиотар, «правила игры». (Здесь уже видно, как легкомысленно постмодернисты относятся к научному аппарату. Вместо понятия «методы исследования» они придумали «правила игры», вместо «тем» – «сюжет» и т. д. Это жонглирование новыми словечками свидетельствует о том, что постмодернисты абсолютно несерьезно относятся к научным исследованиям, к традициям интеллектуального труда.)

По мере перехода, пишет Лиотар, общества в постиндустриальное состояние меняется статус знания. Поскольку научное знание представляется как вид дискурса, в постиндустриальном обществе формы передачи научных знаний через языковые средства меняются. Так, с помощью компьютерной техники можно передавать различную научную информацию. Но отсюда следует, что меняет-

---

¹⁸ Гегель, Г. В. Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 52–53.

¹⁹ Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна. – СПб., 1998. – С. 9.

ся природа знания. Знания в постиндустриальную эпоху производятся не для того, чтобы их отправить в архив, а для того, чтобы продавать. Знания – это деньги. Причем этими знаниями распоряжается не государство, а частные лица.

В постиндустриальном обществе, продолжает Лиотар, меняется роль обладателей знаниями. Если в индустриальном обществе все политические, экономические, социальные и иные проблемы решались властью имущими и собственниками, то в постиндустриальном обществе доминирующую роль играют уже специалисты. «Правящий класс есть и будет классом, который принимает решения. Но он уже образуется не традиционным политическим классом, а разнородным слоем, сформированным из руководителей предприятий, крупных функционеров, руководителей больших профессиональных организаций, профсоюзов, политических партий и религиозных конфессий»²⁰.

Нет сомнения в том, что Лиотар анализирует новые реалии, возникшие в современных развитых капиталистических странах. Действительно, современные информационные технологии, имеющие исключительно большое значение не только для экономической сферы, но и для всех сфер общественной жизни, создаются специалистами. И те государства, которые будут иметь в своем распоряжении таких высококлассных специалистов, будут добиваться наибольших успехов. Больше скажу, от наличия информационного пространства, включающего в себя не только технику и новейшие технологии, но и средства массовой коммуникации, во многом будет зависеть будущее тех или иных государств. На примере слаборазвитых стран мы видим, что значит отсутствие такого информационного пространства. Но отсюда нужно делать не тот вывод, к которому пришли постмодернисты – переход властных функций от политиков и собственников к специалистам. Надо заметить, что об этом многие писали до постмодернистов. Достаточно для этого ознакомиться с работами крупного американского экономиста Дж. Гэлбрейта. В отличие от постмодернистов я прихожу к другому выводу – сферы общественной жизни структурно варианты, но функционально инвариантны. Скажем, в политике не советники как специалисты принимают решения, а политики,

---

²⁰ Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна. – СПб., 1998. – С. 43.

наделенные властными функциями. Другой вопрос, что многим современным политикам нужны кукловоды, поскольку они сами лишены интеллекта и поэтому не в состоянии думать и анализировать политические реалии.

Сегодня постмодернизм превратил философию в пустой дискурс, каждый по-своему толкует философские проблемы. Исчезли споры об истине, о научности философии, о ее методологическом значении для других общественных дисциплин. Его не интересуют ни поиски истины, ни анализ глубинных механизмов имманентной логики исторического процесса.

В настоящее время в философии доминирует резко отрицательное отношение к классическим философским традициям: отвергаются классические категории философии, полностью игнорируются проверенные практикой философские методы исследования объективного мира, отвергаются принципы строгого научного мышления и доказательности. Словом, отвергается все, благодаря чему философия тысячелетиями успешно развивалась и добивалась великих научных результатов. Но зато все сводится к дискурсу, то есть к пустому разговору обо всем и ни о чем. На философских конгрессах не видно глубоких исследований. Многие выступают в постмодернистском духе. Вот, например, некто В. С. Абрамов в своей статье «Глобальные симптомы трансика урбанизма» пишет: «Трансика урбанизма как трансцендентная особенность современного мироустройства есть глобальный процесс эскалации урбанизма, который осуществляется в форме бегства за пределы традиции в сторону модерни-постмодернити и обратно. Трансика есть идеология о трансцендентном»²¹. Нельзя не вспомнить старый, но очень актуальный в наше время анекдот. Купец спрашивает у студента: «На кого ты учишься?» Студент отвечает: «На философа». Купец спрашивает: «А что такое философия?» Студент отвечает: «С точки зрения логической градации и человеческого позитивизма философия есть трансцендентальный эмпириокритицизм, двуединый монизм, включающий в себя проходимость по необходимости и необходимость по проходимости. Учитывая теорему Наумана, Фаумана и Пифагора о положительной интерпретации

---

²¹ Абрамов, В. С. Глобальные симптомы трансика урбанизма // III Российский философский конгресс. Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. – Т. 3. – Ростов н/Д, 2002. – С. 175.

отрицательных явлений, тем более Фейербах индуцирует, что субстанция человеческого бытия содержит в себе столько апостулатов, сколько апостаментов содержит “Критика чистого разума” Канта. И если это все рассмотреть через призму диалектического материализма, то получится не то, что что-нибудь, а тем более вообще». Купец почесал голову и сказал: «Оно, конечно, можно, ежели это ничто иное, как ежели что. А вот ты как коснись, так ответ тебе и пожалуйста». Этот анекдот о философии мне напоминает напыщенные, но бессмысленные фразы постмодернистов и их последователей.

Философия деградирует не только в России, но и во всем мире, о чем свидетельствуют материалы XXI Всемирного философского конгресса, проходившего в 2003 г. в Турции. Все это свидетельствует о том, что постмодернизм ведет к краху философию, которая сыграла ключевую роль в духовной жизни человечества.

Возникает вопрос: почему обществоведы время от времени начинают отрицать то, что было создано их предшественниками? Почему, скажем, философы начинают полностью отвергать прежние философские теории и концепции на том основании, что они якобы устарели? Но почему естествоиспытатели не отвергают прежние теории лишь на том основании, что они были давно разработаны? Никому ведь не придет в голову отвергнуть закон Архимеда лишь потому, что Архимед жил в третьем веке до нашей эры. Только психически нездоровый человек может отвергать открытую Коперником гелиоцентрическую систему. На эти вопросы ответить не просто, тем не менее я попытаюсь это сделать.

Известно, что наука начинается с противопоставления субъекта объекту. В качестве субъекта выступает исследователь, а в качестве объекта – природа или общество. Природа – объект естествознания, а общество – обществознания. В природе действуют стихийные силы. Там нет никаких отношений, изменения происходят чисто стихийно. Природа бесконечно многообразна. Поэтому ее познание происходит на самых разных уровнях. Причем эти уровни не противоречат друг другу. Законы макроуровня не противоречат законам микроуровня. Процесс познания, имеющий бесконечный характер, все больше и больше проникает вглубь материи. И это будет продолжаться до тех пор, пока существует сама природа.

В отличие от природы общество есть исторически сложившаяся

совместная форма деятельности людей по производству материальных и духовных ценностей. Вместе с тем общество – это продукт взаимодействия людей, преследующих сознательно поставленные цели и сознательно стремящихся к их реализации. У людей разные интересы, разные жизненные ценности, разный кодекс поведения. Поэтому развитие общества чрезвычайно противоречиво. Отсюда конфликты, войны, кризисы и т. д. и т. п. Все эти сложные процессы должен исследовать обществовед. Но ведь он сам тоже является членом общества. Он имеет определенные мировоззренческие позиции, которые имплицитно или эксплицитно сказываются на его научных изысканиях. Отсюда – субъективизм и отрицание прошлых теорий. Но он забывает о том, что в обществе прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны. Нет настоящего без прошлого, а будущего без настоящего. Развитие исторического процесса носит не спорадический, а континуистский характер. Ведь всю историю пронизывает человек, являющийся, по утверждению античного философа Протагора, мерой всех вещей. Не может общество развиваться без преемственной связи, без использования того, что было создано предыдущими поколениями. Не может философия развиваться без использования того, что было создано прежними философами.

Но когда общество переживает критический период своей истории, то и общественное сознание оказывается в состоянии кризиса. В XVIII в., например, буржуазное общество было на подъеме, и философская мысль достигла огромных успехов. Но в конце XIX в. буржуазное общество начало переживать острый кризис. И философия тоже оказалась в кризисе. Нельзя же всерьез утверждать, что Ницше, например, продвинул философию.

В XX в. кризис буржуазного общества продолжился. И философия особых успехов не имела. В XXI в. этот кризис продолжается, и зеркальным отражением его является кризис общественногнания, в том числе философии.

Но свято место пусто не бывает. Астрология и магия заняли почетное место в общественном сознании. Причем не только обыватели заразились ложными науками и религиозными предрассудками, но и многие ученые, чьей профессиональной обязанностью является открытие законов объективного мира на базе использования научных методов и средств. Еще Декарт критиковал такого рода лженауки. Он прямо заявлял: «...Что касается ложных учений, то

я достаточно знал им цену, чтобы не быть обманутым ни обещаниями какого-нибудь алхимика, ни предсказаниями астролога, ни проделками мага, ни всякими хитростями или хвастовством тех, что выдают себя за людей, знающих более того, что им действительно известно»²².

Как же в этих условиях заниматься философией? Я нашел для себя выход. Чтобы определить этот аспект, условно всю философию можно разбить на три вида: на философию мирообъяснения, философию мироощущения и философию миропостижения. К **философии мирообъяснения** относятся те философские течения, направления и концепции, сторонники которых для объяснения и подтверждения своих философских воззрений обращаются к достижениям конкретных наук. Так поступали, например, Кант, Гегель, Маркс и другие великие философы. Они считали философию такой же наукой, какими, например, являются физика, химия, математика и т. д. Они использовали определенные категории как инструменты познания объективной действительности. К **философии мироощущения** можно отнести те философские теории, авторы которых обращались к внутреннему миру человека. Это, прежде всего, философия жизни, экзистенциализм и персонализм. Приверженцы этих философских направлений изучают экзистенцию человека с точки зрения его внутренних переживаний, психических ощущений и т. д. Для них философия – не наука, а инструмент описания человеческих переживаний и рефлексий. Что касается **философии миропостижения**, то к ней относится религиозная философия, которая стремится постичь мир через Бога. Ясно, что эта философия ничего общего не имеет с наукой. Я лично работаю в русле философии мирообъяснения.

---

²² Абрамов, В. С. Глобальные симптомы трансика урбанизма. – С. 255.

Такое же критическое отношение к этим лженаукам было и в последующие века. Для этого достаточно познакомиться с очень интересной и содержательной книгой английского исследователя XIX в. Ч. Маккея «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы». Вот что он пишет в Предисловии к изданию 1852 года: «Изучая историю различных народов, мы приходим к выводу, что у них, как и у отдельных людей, есть свои прихоти и странности, периоды возбуждения и безрассудства, когда они не заботятся о последствиях своих поступков. Мы обнаруживаем, что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую, сходят с ума; что миллионы людей одновременно попадают на удочку одной и той же иллюзии и гонятся за ней, пока их внимание не привлечет какая-нибудь новая глупость, более заманчивая, чем первая» (Маккей, Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. – М., 2003. – С. 13.)

